

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Горячий теннис

Член у меня стоял, но я не торопился его дрочить, помня о том, что теннисистки обещали отсосать у меня. Языком я трогал раскрытые половые губки девушек и нежно, самую малость, прикусывал клитор; первой завелась от таких ласк Курникова, и я подумал, что в ней, такой крепкой и хорошо сложенной, наверняка сокрыто полно нерастраченной сексуальной энергии. В какой-то степени Аня, несомненно, разряжалась на корте, но я был уверен, что она всё-таки не обходится без ежедневной дрочки; я очень хорошо представлял себе, как моя юная соотечественница укладывается голой в постель и начинает ублажать своё сильное, физически развитое тело.

Тщательно вылизывая пизду дрожащей от страсти Курниковой, я едва не забыл об остальных девушках, и мне напомнил об этом жаркий шёпот Мартины:

— Эй, мы тоже хотим... Вы тут не одни с Энни...

Я тут же с готовностью уткнулся в курчавую, очень волосатую треуголку Хингис; не вытерпев, швейцарка отставила одну ногу вбок и обеими руками стала прижимать мою голову к своей манде. Мартина и так была далеко не слабой, возбуждение же утроило её силы; я едва не задохнулся, настолько она сильно вдавила мою голову себе между ног. Но по счастью, в этот момент по всему телу швейцарки прошла сладострастная судорога, и она ослабила хватку.

Тут же вывернувшись, я переключился на Дэвенпорт.

— Так тебе и надо, единоличница! — тут же поддела Линдсей Мартину, у которой было сейчас лицо обиженной девочки. — А то глянь, как вцепилась, словно полгода не ёбаная...

Аня же поступала проще — в те минуты, когда я переключался на её подружек, она засовывала палец себе в пизду и начинала трахать саму себя, извиваясь всем телом от острого удовольствия. Глядя на Курникова, последовала её примеру и Хингис; тогда я оторвался от пизды Дэвенпорт и пробормотал:

— Линдси, ты тоже давай пальцем... Давайте, все трое, друженько!...

Американку не надо было долго упрашивать — слегка присев, она вдвинула средний палец себе в пизду до упора и начала яростно ублажать себя. Теперь все трое теннисисток, стоя передо мной, занимались активным самоудовлетворением, и на это зрелище я уже не мог не дрочить. Глядя, как все трое со стопами водят пальцами у себя между ног, извиваясь и приплясывая от удовольствия, я схватил себя за член и начал быстро-быстро дрочить, не поднимаясь с колен.

Мне не потребовалось много времени, чтобы кончить — слишком уж возбуждающе выглядели девушки: голые, потные, похотливые. В тот момент, когда у меня начало брызгать из члена, я стал направлять его то на Курникова, то на Хингис, то на Дэвенпорт; сперма летела на сильные икры и крепкие коленки теннисисток, забрызгивала их хорошенькие ступни. В тот же миг начала спускаться Мартина — она задвигала пальцем в пизде с бешеной скоростью, а затем, протяжно застонав, стала биться задницей об стену кабинки, так, что та угрожающе зашаталась. Следом спустила Аня; палец в её пизде совершал не поступательные, а какие-то винтообразные движения, Курникова немыслимым образом выворачивала свою загорелую руку, лишь бы доставить себе максимум удовольствия. А через несколько секунд уже и Линдсей, оргазмируя, трясла тазом и торжественно вопила; глаза её сияли так, словно она только что выиграла миллион долларов.

Едва лишь мы немного успокоились, как сразу нахлынула слабость; я так и остался стоять на коленях, теннисистки же сползли по стенке на пол и навалились друг на друга, а заодно и на меня, образовав почти что кучу малу. Даже Хингис, тяжело дыша, положила голову на мощное плечо Дэвенпорт, а сама Линдсей уткнулась лицом в коленки Курниковой.

— Ну, как насчёт минета? — поинтересовался я, и ответом мне был лишь дружный стон.

— Ты охуел... — вяло пробормотала Аня откуда-то из-за спины Дэвенпорт. — Мы же все четверо практически никакие... да ещё эта жара проклятая... Мартина с Линдсей согласно замычали в ответ, и я предложил:

— Тогда пойдёмте назад в комнату, уж больно тут тесно. Сейчас маленечко передохнём, и вы меня приласкаете, идёт?

— Ты бы хоть подняться помог... — обессиленно вякнула Хингис. — Ноги совсем не держат...

— Может, тебя на руках понести? — засмеялся я. — Хочешь?

— Хочу! — тут же кивнула швейцарка. — Давай, бери меня и неси на постель, поухаживай за мной.

Я тут же подхватил Мартину под коленки, а она крепко обвила рукой мою шею. Мы не без труда пролезли сквозь узкую дверь кабинки — Хингис даже оцарапала ляжку о торчащий замок, — а затем я понёс швейцарку в комнату, крепко прижимая её к себе. Мне нравилось ощущать её потное горячее тело, я чувствовал, что под коленками, где я держу её, у неё мокро-мокро; к тому же от голой Мартины остро несло потом, из всех троих она была самой пахучей.

— Ты что так нюхаешь? — тут же прицепилась ко мне Хингис. — У меня из подмышек воняет, да?

— Не воняет, а благоухает! — засмеялся я. — Я же говорю тебе — женский пот меня заводит, мне нравится, как он пахнет, нравится его солёный вкус...

— Не понимаю! — фыркнула Мартина. — Когда на меня потная Линдси залезла, мне так противно сделалось... у неё воняло из подмышек, она вся была гадкая, скользкая...

— Когда ты так говоришь, это меня тоже возбуждает, — ответил я. — Ты такая непосредственная, как девчонка — что у тебя на уме, то и на языке.

— Хочешь сказать, я дурочка? — Хингис притворно надула губки, но в глазах её бегали весёлые огоньки. — Дурочка и свистушка?

Но в этот момент я внезапно разжал руки, и Мартина со всего маху шлёпнулась на кровать, громко взвизгнув от неожиданности и взлягнув ногами. Сзади раздалось сдавленное хихиканье — это из душа выбрались Курникова и Дэвенпорт, они брели на заплетающихся ногах, обняв друг друга за плечи и плотно прижавшись ляжками.

— Сюда, девочки! — махнул я им рукой. — Пришло время поработать ротиком.

— Но я не люблю сосать, — заявила Линдсей. — И я тебе ничего не обещала, это вот они двое тебе обещали по минету каждая.

— Ты гнусная обманщица, — сказал я и звучно шлёпнул Дэвенпорт по заднице. — Но так и быть, тебя, как закоренелую лесбиянку, я прощаю. Ты, наверное, своих подружек ртом ублажаешь?

— Конечно! — задорно кивнула американка. — Так что сосать твой хуй я не буду, но с удовольствием посмотрю, как это делают Энни и Мартина.

— Ты, наверное, порнушку любишь? — со смехом спросил я.

— М-м-м, а кто её не любит? — прыснула Линдсей. — Мы с Мэри-Джо постоянно смотрим

«розовую» порнуху, специально для таких, как мы. Ложимся голые в кровать, смотрим минут двадцать, а потом выключаем и начинаем заниматься друг другом.

— А вы, подруги? — повернулся я к Курниковой и Хингис. — Тоже любительницы порнухи?

— А это наша частная жизнь! — хихикнула Мартина. — Правда, Энни?

— Правда-правда! — закивала головой Аня, вновь скорчив мне рожу. — Мы тебе не скажем, мы девушки скромные.

— Ну, тогда за работу, скромницы, — сказал я и улёгся поперёк кровати. Курникова и Хингис тотчас же сползли на пол и пристроились рядом со мной на коленях — Мартина слева, Аня справа. Без долгих церемоний швейцарка несколько раз облизала мой торчащий член, а потом проглотила его; Курниковой достались лишь мои яйца, но, покатав их во рту пару минут, она оттолкнула Хингис и сама стала сосать член. Так теннисистки какое-то время боролись друг с другом за право минета, я же тащился от острого удовольствия. Дэвенпорт, сидя на кровати с ногами, просто млела, разглядывая разгорячённых, возбуждённых минетом девушек.

Член стремительно переходил из одного рта в другой, я уже не различал, где язык Ани, а где Мартины. То и дело кто-нибудь из них щупал мне яйца, и это лишь усиливало наслаждение; я подумал, что не каждый может похвастаться тем, что ему делала минет первая ракетка мира. Неожиданно Линдсей не выдержала и легко спрыгнула с кровати на пол.

— Ну-ка, подруги, встаньте рядышком, — забормотала она, подталкивая теннисисток за задницы. — Рядышком, рядышком, вот так...

Увлёкшиеся соревнованием за мой член Курникова и Хингис даже не соображали толком, что хочет от них Дэвенпорт, и послушно переступали коленками по полу, подчиняясь движениям её руки. Когда же Аня и Мартина оказались совсем рядом друг с другом, так, что их ляжки почти соприкасались, Линдсей опустилась сзади на четвереньки и, зажмурившись от удовольствия, стала по очереди лизать девушкам пиздёнки.

Первой новую ласку почувствовала Хингис.

— О, ч-чёрт, кто там? — выдохнула она, отрываясь от моего члена; с губ её соблазнительно стекали тягучие слюни. — Кто там ко мне пристроился? Линдси, ты?! Да уйди же, противная, пойми, что я тебя не хочу!... О-о... О-о-о, перестань, сучка!...

— Да тебе же самой приятно! — захихикала Дэвенпорт, старательно погружая свой язык в самую глубину пизды Мартины. — Ты же вся течёшь... Швейцарка действительно испытывала сейчас противоречивые чувства — она тащилась от того, что её умело лизали между ног, и в то же время ей было противно, что это делает именно Линдсей, известная лесбиянка. Хингис дёргала своей круглой задницей, словно отгоняя назойливую муху, и одновременно старалась губами отобрать у Курниковой мой член; американка же со смехом посоветовала:

— Представь, что это мальчик тебя лижет! Ты же спиной ко мне стоишь, делом занимаешься, какая тебе разница? Давай, отвернись и расслабься!

— Ну, чёрт с тобой, — слабо провякала Мартина, наконец-то оттолкнув носом разошедшуюся Аню и проглотив мой член по самые яйца. — Работай язычком, лесбиянка проклятая... О-о-о, хо-ро-шо...

Последние её слова были совершенно неразборчивы из-за члена во рту, но Дэвенпорт большего и не требовалось. Она ещё усерднее начала вылизывать пиздёнки своих подруг, и я подумал, что у Линдсей, несомненно, большой опыт в этом деле; у меня даже мелькнула мысль, что неплохо бы мне у неё поучиться.

Что же касается Ани, то у неё, похоже, не было никаких предубеждений насчёт лесбиянства; ласки американки абсолютно её не смущали, и Курникова с удвоенной энергией накидывалась на мой член. Дэвенпорт же наглена на глазах — она уже не только лизала девушкам, но и начала гладить их задницы, проявляя особое пристрастие к заднице Хингис. Судя по всему, Мартина очень нравилась Линдсей, а её недоступность лишь ещё больше разжигала желание; я не сомневался, что американка рано или поздно завалит швейцарку, и вполне возможно, что это произойдёт именно сегодня, когда Хингис уже возбуждена и разогрета.

Тем временем приближался оргазм — и Аня, и Мартина были отличными минетчицами. То, что они вытворяли с моим членом и яйцами при помощи языка, губ и зубов, не поддавалось никакому описанию; к тому же девушек дополнительно заводили ласки Дэвенпорт.

И вот я кончаю опять. Аня к этому времени уже устала сосать мой хуй, и откинулась на подушки. Вся сперма попала в рот и на лицо Мартине, которая аж поперхнулась ею, настолько был силен поток. В этот же момент Мартину сотряс оргазм от языка Линдси.

У меня от пережитого жутко звенели яйца. Я чувствовал, что больше не могу. Я поднялся и сказал:

— Все, девочки, больше не могу. Яйца разрываются. Давайте заканчивать. Вам же завтра еще на турнире выступать. Теннисистки согласились с моим доводом, и кое-как одевшись и отмывшись от моей спермы и своих выделений (у Мартины к тому же были месячные), ушли. Я же вернулся назад, на нашу кровать. Тут в поле моего зрения попала сумка «Yonex» Мартины, оставленная ею случайно в углу. Я понял, что швейцарка вернется за ней. От одной только мысли, что я опять увижу Мартину, мой хуй начал снова подниматься. И вдруг раздается стук в дверь.

На пороге появилась Мартина.

— Извини, я оставила у тебя свою сумку, там ракетки, мячи, ну все остальное... Можно, я ее заберу?

— Конечно, проходи, — ответил я. — Она в комнате, в углу.

Мартина забрала сумку и попыталась выйти, но я преградил ей путь.

— Ты куда, дай мне выйти, — попросила она.

В ответ же услышала: «Марти, я тебя хочу».

Мартина попыталась отстраниться, но я упал перед ней, засунул голову ей под юбку, и начал лизать сокровище первой ракетки мира. Половые губы Мартины почти мгновенно налились кровью. Она выронила сумку от возбуждения, и оперлась на стену, чтобы мне было удобнее лизать вход в ее норочку.

— Что, Норман тебе не так лизал? — осведомился я, продолжая орудовать под юбкой Мартины языком. Мартина в ответ только простонала. Я же продолжал усиленно работать, ведя Мартину к очередному оргазму. И вот, наконец! Мартина закричала, и я еле удержал ее ноги в своих объятиях. Но вот, я увидел что-то новое в «гроте любви» Мартины. Это был «Тампакс». Я стал медленно его вытаскивать, лаская Мартине пальцем клитор. Вот тампон вышел. Он был весь набухший, было видно, что надо было его уже сменить. Я проглотил его целиком, разгрыз, прожевал и съел. От сознания того, что я скушал тампон, пропитанный менструальной жидкостью первой ракетки мира, мой хуй вздыбился так, что им можно было гвозди забивать. Я не мог больше терпеть. Я подхватил Мартину на руки, понес ее в комнату, положил ее на кровать, буквально разорвал ее юбку и трусики, и всадил моего воина в ее пещерку. «Только

не в меня» — жалобно попросила Мартина, но мне было уже не до этого. Через минуты две рьяных фрикций я спустил в Мартину, кончал я секунд 20, не меньше, а Мартина же при этом кончила раза три, расцарапав мне всю спину...

(Продолжение следует)